

Анна Егорова

ЛЮБИ МЕНЯ
ДО НУЛЯ

18+

Анна Егорова
Люби меня до нуля

«Автор»

2026

Егорова А.

Люби меня до нуля / А. Егорова — «Автор», 2026

Представьте, что вашу любовь можно измерить не взглядами, не прикосновениями, не тишиной, в которой хорошо вдвоём, а лабораторно. Вы сдаёте кровь и получаете дату, когда чувства закончатся. Более того, без этих данных от вас не примут заявление о регистрации брака. Без этой даты ваше «да» — просто звук. В Республике Юналия это не фантастика, а закон, принятый в 2056 году. Но что если ноль — это не конец любви, а начало? Веронике Архиповой и Андрею Соколову предстоит это узнать.

© Егорова А., 2026

© Автор, 2026

Анна Егорова

Люби меня до нуля

Пролог

Люби меня до нуля.

Пролог.

Он хотел всего лишь понять, когда заканчивается любовь.

Лев Борисович Савелин, тогда ещё просто Лёва, мальчик из провинциального городка Республики Юналия, сын хирурга и пианистки, вырос в семье, где любовь умерла не в одночасье, а медленно, мучительно, на его глазах. Родители поженились по страстной любви в двадцать втором году двадцать первого века, когда обоим было чуть за тридцать, а через десять лет уже спали в разных комнатах.

Льву тогда было восемь. Он не понимал, что случилось. Никто не кричал, не бил посуду, не хлопал дверью. Просто однажды отец перестал смотреть на мать особым тёплым взглядом, а мать перестала улыбаться. Они остались жить под одной крышей, ели за одним столом, обсуждали хозяйственные дела и Лёвины школьные оценки, но между ними пролегла невидимая граница. Они стали вежливыми соседями, и это было страшнее любой ссоры. Если бы отец бил посуду, можно было бы собрать осколки и склеить. Если бы мать кричала, можно было бы докричаться в ответ. Но они просто замолчали, и в этом молчании было что-то окончательное, не подлежащее обжалованию.

— Почему так случилось? — спросил Лёва у матери, когда ему было двенадцать.

Мать долго молчала. Она сидела за старым пианино «Циммерман», и её пальцы, только что летавшие над клавишами, замерли, оборвав мелодию на полутакте.

— Не знаю, Лёвушка, — сказала она. — Наверное, любовь просто кончается, как масло в лампе. Выгорает, и всё.

Это «не знаю» стало занозой. Оно не давало Льву покоя ни в школе, где он на переменах смотрел на одноклассников, которые влюблялись и расставались с пугающей лёгкостью, ни дома, где молчание родителей с каждым годом становилось всё тяжелее.

Через шесть лет Лев ехал вместе с родителями на юбилей к дальним родственникам, сидел на заднем сиденье старого отцовского «Хёндая», читал учебник по истории и не ожидал, что отец заговорит с ним.

— Лёва, — сказал отец, не оборачиваясь. — Мы с матерью расстаёмся.

Он произнёс это ровно, буднично, как говорят «завтра заедим за хлебом». Лёва открыл рот, чтобы спросить, почему они расходятся именно сейчас, но не успел. Через пару секунд отец не справился с управлением, машину занесло на скользком асфальте, выбросило навстречу фуру, и родители погибли на месте.

Лев выжил, отделался сломанной ключицей, трещиной в ребре и несколькими порезами от битого стекла. Спустя неделю после похорон он сидел в опустевшем доме и думал: «Если бы родители расстались раньше, они могли бы не оказаться в одной машине, не ехали бы вместе по мокрой трассе и были бы живы. Вот что означает «масло в лампе» на самом деле. Если оно выгорает, а ты продолжаешь сидеть в темноте, то эта темнота рано или поздно убивает тебя».

И тогда Лев дал себе слово, что узнает точный момент, когда масло в лампе кончается, когда любовь доходит до нуля. С этого и начался его путь к генетике, потому что Савелин чувствовал, что ответ на свой вопрос он должен искать в крови, в генах, в цифрах. В университете он выбрал биологический факультет, потом, на втором курсе, начал писать курсовые работы по молекулярной биологии, затем дипломную и кандидатскую по генетике.

Десять лет Лев собирал образцы крови у стареющих пар, у тех, кто когда-то, двадцать, тридцать, сорок лет назад, поклялся друг другу в вечной любви. Он ездил по стране с пробирками и анкетами, уговаривал стариков сдать кровь, заполнял опросники, проверял каждую партию данных, искал закономерность и одновременно боялся её найти. Параллельно Савелин вёл ещё несколько исследований: изучал нейродегенеративные заболевания, консультировал аспирантов, читал лекции, открыл ген LS-7, который назвал собственными инициалами и порядковым номером, чтобы зарегистрировать его в каталоге. Тема же расставания была для него личным делом, которым он занимался, как правило, по вечерам. Он никому не рассказывал, зачем ему это. Даже Ирина Валентиновна Демидова, помощник Льва, не знала, что стоит за цифрами, которые она помогала обрабатывать.

Закономерность учёный обнаружил в своей лаборатории среди ночи, когда все его подчинённые уже давно разошлись по домам. Лев сидел над таблицами, не подозревая, что главное произойдёт прямо сейчас. Он просматривал данные по гену LS-7, сопоставлял графики экспрессии с анкетными ответами и сначала не поверил своим глазам. Решив, что ошибся в расчетах, Савелин пересчитал ещё раз, потом ещё, потом поднял архив за последние три года и пересчитал на материале пяти тысяч пар. Учёный обнаружил, что ген LS-7 работает по принципу порога. Пока его активность держится выше определённого значения, человек субъективно переживает романтическую привязанность. Как только активность падает ниже — чувства угасают. У разных пар скорость падения различалась, и именно её измерение позволяло предсказать, когда любовь закончится. Корреляция была настолько очевидной, что Лев Борисович минуты три сидел неподвижно, глядя в одну точку.

Он не крикнул «Эврика!», не стал звонить коллегам в столь поздний час. Он просто снял очки, протёр стёкла стерильной салфеткой и сказал вслух: «Мама, я, кажется, нашёл ответ».

Механизм оказался до обидного простым. Не было никакой мистики, никакой высокой трагедии. Ген LS-7 кодировал белок, который регулировал выработку определённых нейромедиаторов в участках мозга, ответственных за формирование и поддержание романтической привязанности. С течением времени активность этого белка у всех людей снижалась, но с разной скоростью. У кого-то ресурс истощался за два-три года. У кого-то держался пятнадцать-двадцать лет. У редких счастливых — более тридцати. Взяв двух конкретных людей, можно было вычислить момент, после которого взаимная привязанность опускалась ниже порогового значения.

Савелин положил расчёты и свои рукописные выводы в папку, выключил свет в лаборатории и пошёл домой. Завтра у него была лекция для третьекурсников, а к четвергу нужно было сдать отчёт по основному гранту, поэтому Лев не хотел заикливаться на том, что для многих выглядело бы открытием века. Для него же это был просто закрытый вопрос. Ему нужно было узнать ответ, и теперь он его знал. Этого было достаточно.

Публикация открытия случилась без Савелина и за его спиной. Когда Ирина Валентиновна увидела данные, то поняла, что это достижение мирового значения. Она решила, что мир должен узнать всегда скромного Льва Борисовича. Демидова ничего не сказала начальнику, сама подготовила от его имени статью, сама отправила её в «Новинский медицинский вестник».

Статья вышла в декабре пятьдесят третьего года, и Лев в одночасье проснулся знаменитым. Его лицо украшало обложки ведущих изданий. «У любви есть срок годности» — пестрела заголовком одна из столичных газет. «Любовь отменяется» — вторила ей другая. Третья поместила портрет Льва рядом с песочными часами и подписью: «Савелин знает, когда ваш брак разрушится». Учёному звонили из правительства, частные клиники предлагали купить патент за любые деньги, журналисты дежурили у дверей лаборатории.

Вскоре после первых публикаций в СМИ в лабораторию пришли юристы из Министерства здравоохранения. Один из них выложил на стол Савелина кипу документов и объяснил,

что государство заинтересовано в том, чтобы технология находилась под контролем: патент останется на имя Льва Борисовича, он будет получать отчисления с каждого теста, но лицензировать технологию будет государственное патентное агентство, а порядок применения теста определит Министерство. Сумма отчислений с каждого теста была небольшой, но при массовом спросе цифры обещали быть внушительными. Савелин выслушал, посмотрел на бумаги и подписал. Когда на его счёт пришли первые деньги, он перевёл их на лабораторный счёт, потом ещё и ещё. Все эти средства уходили на реактивы, оборудование и зарплаты сотрудникам.

Люди же охотно платили за результат. Очереди выстраивались на месяцы вперёд. Многие занимали места с ночи, как когда-то стояли за дефицитными товарами. Кто-то хотел узнать, сколько продлится их брак. Кто-то проверял, стоит ли вообще начинать отношения, и не потратят ли они лучшие годы друг на друга, если природа отвела им, к примеру, восемнадцать месяцев. Кто-то просто искал определённости в мире, который с каждым годом становился всё более зыбким.

Государственные лаборатории не справлялись с наплывом людей, и тогда появились частные кабинеты, получившие разрешение. Лев Борисович смотрел на происходящее с ужасом. Учёного утешало лишь то, что общество не знает о методе индивидуального теста. Однажды вечером, сидя в пустой лаборатории над грудой нераспечатанных писем, он сказал Ирине Валентиновне, единственному человеку, с которым ещё мог говорить откровенно, несмотря ни на что:

— Вы понимаете, что сделали? Я не хотел этого. Я никому не собирался ничего говорить. Я просто хотел знать эту информацию для себя.

Ирина Валентиновна покачала головой и сказала:

— А я хотела, чтобы вы обрели славу, Лев Борисович. Вы заслуживаете этого. Вы сидите в лаборатории сутками, тянете на себе кафедру, публикуетесь в малоизвестных журналах, а я смотрю на это и думаю, что мир должен знать, кто вы. Я думала, что помогаю вам.

— Хорошо, что вы опубликовали не всё.

— Что вы имеете в виду?

— В статье речь идёт только о парном тесте, сравнении двух графиков. Но есть ещё индивидуальный метод. Можно измерить индекс одного человека без партнёра. Я знаю, как это сделать, но не буду раскрывать данные.

— Почему?

— Потому что парный тест — это про отношения, про двоих. Никто из пары не узнает, чей индекс стал решающим. Парный тест показывает только итоговую цифру, без разбивки. А индивидуальный тест показывает, с какой скоростью лично у тебя падает активность гена. Ты можешь ещё никого не встретить, но твой потолок уже есть. Это слишком тяжёлая информация.

В пятьдесят шестом году Парламент Республики Юналия принял Закон «Об обязательном прохождении теста Савельева для лиц, вступающих в брак». Аргументация в пользу теста была сухая, но однозначная: «В целях укрепления института семьи, снижения количества расторжений брака и повышения осознанности граждан при вступлении в брачные отношения». На практике это означало, что любая организация, которая регистрировала брак, от столичного Дворца бракосочетаний до крошечного поселкового совета, при приёме заявления была обязана запросить справку о результатах теста Савелина. Без справки брак не регистрировали.

Лев узнал о принятии закона из вечернего выпуска новостей. Диктор зачитал постановление Парламента, а затем добавил: «Вот так наука служит обществу». Учёный выключил телевизор, оделся и пошёл гулять по зимнему Новинску мимо заснеженных скверов, мимо светящихся витрин, мимо Дворца бракосочетаний на Театральной площади, над входом в который уже монтировали новую табличку: «Приём заявлений — только при наличии справки о результатах теста Савелина».

Лев смотрел на эту табличку и думал о родителях, о том, что если бы они расстались раньше, то он, скорее всего, никогда бы не сделал это открытие, и механизм, который запустили без его согласия, никогда не пришёл бы в движение.

Сам Савелин так и не женился, а в феврале две тысячи сто первого года умер от обширного инфаркта в своей лаборатории. Ему было семьдесят семь лет, сорок восемь из которых он прожил с открытием, которое носило его имя. Почти полвека он наблюдал, как его фамилия превратилась в часть фразы «они прошли Савелина», и видел, как очереди в Центры генетической совместимости становятся длиннее очередей в отделы регистрации брака.

Учёного обнаружили умершим за письменным столом, на котором лежал неотправленный конверт с надписью: «Министру здравоохранения Республики Юналия. Лично». В конверте находился один-единственный лист бумаги, где мелким почерком было написано: «Это было не для закона».

Письмо не отправили, сочли странной прихотью, старческой сентиментальностью, не имеющей юридической силы. Конверт подшили в папку с грифом «Переписка. Разное» и убрали в архив. Савелина похоронили на Центральном кладбище Новинска за государственный счёт. На памятнике выбили: «Великому учёному, открывшему ген любви». Никто не задумался, нужна ли Льву такая эпитафия.

На момент смерти учёного количество прошедших тест Савелина составляло двенадцать миллионов семьсот тысяч пар. Семьдесят шесть процентов из них прекратили романтические отношения в течение года после истечения прогнозируемого срока. Двадцать четыре процента остались вместе, и это было самой большой загадкой. То ли ген LS-7 иногда ошибался, то ли любовь всё-таки умела делать то, чего не могла объяснить наука. Лев Борисович надеялся на второе.

Через несколько месяцев после похорон Савелина Ирина Валентиновна разбирала его бумаги. Среди черновиков и таблиц ей попала папка с надписью «Статистика. Выбросы». Внутри лежали расчёты, не имевшие отношения к статистике. Это был метод индивидуального прогноза, который Лев намеренно спрятал под другим названием. Демидова долго изучала документы, потом закрыла папку и отдала в архив. И лишь в две тысячи сто тридцатом году архивариусы обнародовали исследования Льва Борисовича. Так появился индивидуальный тест Савелина.